

Продолжение

В какой мере виновны в этом образованные нашего отечества, сами знаете. Сами знаете, какое начало проходит всюду у нас разномыслие с христианским учением. А оно переходит чрез них, хотя не есть их изобретение.

И от них перенимают ее опять не знающие истины христианской, — и потому что не знают ее. Станный ходит у нас предрассудок, что как скоро мирянин, то ему нет нужды утруждать себя полным знанием христианской истины, — стыдятся взяться за сей труд, стыдятся заявить свое знание, если имеют его, — и тем более заступиться за него. И расширяется у нас таким образом область лжи и царство отца ее. Иной скажет: я сам дошел до выводов, несходных с христианством. Сомнительно. Вернее то, что попалась чужая, противная христианству книжка, — прочитал и сбился с толку, сбился же с толку потому, что неведущему дела и обманчивые вероятности кажутся делом, а проверить ложное показание и выслушать противоположную ему истину недостало охоты по равнодушию: схватили призрак и, думая, что обладают истиною, довольны. Иных увлекает страсть к самостоятельным воззрениям, а сию самостоятельность меряют они независимостью от христианского учения, отчуждением от него, противлением ему. И это опять от незнания христианства, которое одно дает опору самостоятельности. Самостоятельность — хорошее дело.

Но надо найти верную точку для стояния. Христианство основано на истине Божией. Где найти лучшее основание? Бог учит разумные твари. Долг разумных тварей внимать сему учению, — и всякий внимающий несомненно будет знать истину; ибо Бог есть Сам истина. Бог древле говорил во пророках, в последок дней глагола нам в Сыне Своем, Сын Божий и Господь передал истину святым апостолам, апостолы — Церкви. В Церкви же что признается истинным несомненно? То, что всеми всегда и всюду было исповедуемо. Стань на сию точку сам, — и будешь самостоятелен самостоятельностью самою верною и незаблудною, хотя она будет отрицанием самостоятельности, как ее обычно понимают. Обыкновенная самостоятельность есть особность знания, а христианская — есть общность верования. Христианин чужд того позыва, чтоб все по-своему понимать; а ищет одного: как все всегда понимали вещи и судили о них. По его убеждению, отособиться — значит отпасть от истины и, следовательно, не к совершенству идти, а в пагубу. Но, подчиняясь общему верованию, он не думает, что теряет самостоятельность. В этом общем он усваивает себе только начала — начала верные, ибо они от Бога исходят, — и, на них основываясь, судит потом о всем и все решает, — и решает не заблудно, ибо исходит от истинных положений, запечатленных Божественным авторитетом. Все ереси и все лжи произошли от нарушения сего основного правила истины. Ересь есть суждение о чем-либо по-своему, не соображаясь с тем, как судить о том передал Церкви Господь. Арий стал судить о Господе по-своему и впадал в ересь, не признавая единосущия Его Богу-Отцу и Духу Святому. Анолет стал по-своему составлять систему христианского учения, — и сколько лжей изобрел? Тоже и папа, тоже и все новые заблужденники. Когда рождается вопрос, христианин ищет разрешения ему не в себе, не в своем постижении, а в общем всех исповедании. Не то, чтоб он сам не рассуждал и не построивал никаких соображений; они у него роиться могут быстрее, нежели у кого-либо. Но дело в том, что он цены им не даст никакой до тех пор, пока не проверит общим учением. Согласны они с сим учением, — он оставляет их за собою, не согласны — отвергает. И в этом покой его. Он стоит на сем общем, как на твердом камне. Ибо по нему восходит он к Богу, как источнику. Будем молиться, да пребудет торжествующею всегда единая истина, предлагая и себя в верные орудия хранения и защиты ее. Аминь.

Свт. Феофан Затворник

Зёрнышко

Приходской листок храма Свт.Николая пос.Николао-Прозорово март' 19

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Ежегодно по окончании первой недели Великого поста христиане отмечают праздник Торжество Православия, созданный в память о том дне, когда православная церковь отвоевала право почитания икон и навсегда покончила с ересью иконоборчества. История праздника такова. Основанное на Святом Писании и не подлежащее изменениям учение о почитании икон зародилось вместе с первыми христианами. Оно было неотъемлемой частью служения Богу вплоть до VIII века, пока в Греции не начала своё развитие ересь иконоборчества. Идея о том, что изображения святых отражают идолопоклонничество, быстро разрослась и распространилась по разным странам и заставила Православную Церковь пережить невиданные ранее гонения. В храмах не было икон, а истинно верующие люди отвоевывали право на создание изображений Иисуса Христа и Девы Марии и возможность молиться перед ними. В течение более чем ста лет христиане переживали лишения, мощи святых и иконы изымались и предавались огню. Люди под страхом смерти спасали предметы почитания, пойманных сажали в темницы или казнили.

Особое влияние на установившуюся ситуацию оказывала развернувшаяся гражданская война в Византии. Во время правления императрицы Ирины на Седьмом Вселенском соборе в 787 году отцами Церкви было установлено решение о восстановлении почитания икон. Противостояние христиан и иконоборцев начало терять силу, но вспышки враждебности все ещё происходили, не давая конфликту сойти на нет. Иконы не вернулись на положенные места, и люди все еще были в страхе. Изменения возникли только после смерти императора Феофила 20 января 842 года и прихода к власти его жены, святой императрицы Феодоры, которая была истинной христианкой и отрицала иконоборческие взгляды мужа ещё при его жизни. Перед смертью император Феофил отказался от своих убеждений. Верующих освободили из заточения и восстановили в должностях в 843 году, в конце первой недели Великого поста, когда императрица на особенной службе в Софийском соборе объявила иконоборчество ересью и провозгласила возвращение иконопочитания.

Приверженцам иконоборчества было сделано предложение принять почитание икон либо оставить служение Церкви. В первый праздник Торжества Православия христиане отмечали не победу над иконоборцами, но победу над ересью, расколом и заблуждениями. Победа дала Церкви право нести людям истинную веру и очищение, наставлять человека на правильный путь и действовать, следуя издревле устоявшимся предписаниям.

С того дня ежегодно проходит богослужение в память о знаменательном дне и святой императрице Феодоре, сыгравшей особую роль в истории праздника.

В неделю Православия

Основа Православия в единомыслии; начало его — что всегда всеми и всюду было исповедуемо; крепость и стойкость — в ведении истины. Ныне празднуем мы торжество Православия - победу истины над ложью и заблуждением. Как после обыкновенной победы победители провозглашают о главных схватках с врагами, в которых взяли над ними верх, и восхваляют мужественнейших вождей своих и ратоборцев в поучение последующим родам, так святая Церковь — столп и утверждение истины, в разные времена подвергавшаяся нападениям суетности, враждебной истине, и со славою отразившая их, — установила торжественно возвещать ныне о своих победах, осуждая врагов истины, обличая лживые их умствования и в то же время провозглашая святую истину и прославляя поборников ее, чтоб верные сыны ее знали, чего хочет она, и предохраняли себя таким образом от тех же или подобных заблуждений. Слыша сие, прославим Господа, даровавшего торжество истине, чтоб она, как свет во тьме, светила во мраке заблуждений человеческих и указывала неложный путь ищущим пути правого. Господь блюдет: кто похитит?! Но не забудем, что Господь блюдет не одною Своею сверхъестественною силою, а вместе так благоволил устроить святую Церковь, что она и была и пребудет способною навсегда сохранить сию истину, при Его руководстве. В сем смысл и наш долг в отношении к святой истине двойся: что от Господа к хранению ее, то приемлем благодарно и послушно; что от Церкви, к тому, как верные сыны ее, и мы должны и сознать свою обязанность, и оказывать посильное содействие, и это всякий - и большой и малый, и посвященный и непосвященный. Вот мысль, которая не всеми признается и еще меньшим числом исполняется. Я хочу приблизить к ней ваше убеждение. В чем та сила к хранению истины, которую положил Господь в самой Церкви Своей? В единомыслии. Смотрите, как пошла истина христианская по земле. Пришел Господь и научил святых апостолов; потом Пресвятаго Духа на них ниспослал, Которым укрепляемы и просвещаемы они всюду разнесли единую небесную истину. Как Един Господь и Един Дух, — то и учение всюду было едино. Един Господь, говорит апостол, едина вера. Почему едино тело и один дух, как и призваны все в едином уповании звания (Еф. 4, 4, 5). Так единомыслие, единоверие, единомыслие стало существенною чертою в христианстве, как бы исходным началом его жизни, — краеугольною основою в его стоянии. И святые апостолы так много дорожили им, что в своих наставлениях поминутно обращались к убеждениям в нем: и нет речи, нет послания, где бы не упоминалось о том. То внушают они быть единомыслными и единомудренными (Флп. 2, 2; 1 Пет. 3, 8), то убеждают подвизаться о преданней вере святым единою (Иуд. 3) тщаясь блюсти единение духа в союзе мира, то хвалят тех, кои истинною стоят во едином душе, не колеблющиеся ни о едином же от сопротивных (Флп. 1, 27, 28), то предостерегают от влечения всяким ветром учения (Еф. 4, 14), то строго обличают за разделение, и именно — в учении (1 Кор. 1). Сей дух единомыслия, внедренный святыми апостолами в верующих, навсегда пребыл между ними и стал потом главным началом ведения христианского и пробным камнем для различия истины от лжи. Кто искал истины, кто смущался ложью,

кто требовал удостоверения, тому говорили: ступай в Иерусалим, в Антиохию, в Александрию, в Ефес, в Рим. Там апостолами посеяна истина, — и как везде учат, так и веруй. Или - истина в том и том: ибо так все везде учили и учат. И это — все, везде, всегда — стало термином, характеризующим истину христианскую. Как веровать и учить должно? Так, как все везде и всегда веровали и учили. Этим-то единомыслием от начала доселе поверялась истина христианская и обличалась ложь; ибо оно не в книгах только изображалось, а было живо в умах и сердцах и составляло действительное всех настроение. Почему, как только обнаруживалось где-либо, кем-либо разномыслие, оно тотчас было замечательно всяким и всяким обличаемо и выставяемо на среду как дело, отступающее от общего порядка, — незаконное. Арий начал говорить: было время, когда не было Сына, разумея второе лице Пресвятой Троицы. Это тотчас привело всех в движение. Один, другой, третий спрашивали: как не было? можно ли, чтоб не было? откуда эта новость? Из Александрии движение сие перешло в другие епархии, там - по всей Церкви, и всюду ложь была обличена и утверждена истина единомудренным всех исповеданием. То же было и с Несторием. Проповедник, проповедавший под его руководством, употребил одно слово о Божией Матери: Христородица. Это новое слово всех встревожило. Как, говорят, Христородица? Она Бога нам родила во плоти, и есть воистину Богородица, как и Елисавета еще в начале исповедала, говоря: откуда мне сие, да придет Мати Господа моего ко мне (Лк. 1, 43). Так заговорил народ, клир, власти — и до царя. И еретика обличили, несмотря ни на какие его хитрости. Очевидно теперь вам, что сила к сохранению истины, лежащая в самой Церкви, — это есть живое единомыслие членов ее, то, когда истина живет в умах и сердцах всех и всеми обладает, когда, по апостолу, все тожде мудрствуют друг ко другу... (Рим. 15, 5), вси тожде глаголют и бывают утверждены в томже разумении и в тойже мысли (1 Кор. 1, 10). На сию истину имел я намерение навестить мысль вашу не за тем, чтоб оправдывать на основании ее суд Церкви, который вы услышите, а за тем, чтоб приблизить к сознанию вашему лежащие на всяком христианине обязанности к сохранению истины. Если часть хранения истины вверена самой Церкви, т.е. всем членам ее, — сила же к такому сохранению сокрыта в единомыслии, и единомыслии живом, то очевидно, что всякий, по мере способностей и сил, должен войти в сие единомыслие и потом держать себя в нем, узнать эти всюду всеми всегда содержимые истины и хранить их. Чтоб хранить истину, надо ее возыметь; чтоб иметь, надо ее узнать. Таким образом всякий, ведущий христианскую истину, становится хранителем, блюстителем и защитником ее. Чем более ведущих истину, тем сильнее защита ее, тем безопаснее сама она, — не сама в себе, а в среде людей. Напротив, чем менее ведущих истину, тем менее оплотов против лжи, тем опаснее положение истины среди нас. Ибо в этом случае, явись какое ложное учение, неведущий истины пропустит ее, потому что нечем ему распознать и обличить ее. От него она перейдет к другому — неведущему, от другого — к третьему, и так далее. Ложь войдет и вытеснит истину. Прав ли тот, кто пропустил ее?! Никак. Это будет то же, как если б воин, по небрежности не узнавши пароля, пропустил врага в стан. В этом отношении, стало быть, всякий неведущий истины есть уже изменник ее, и изменник общества верующих, или святой Церкви. Строго? Но так есть. Само собою разумеется, что эта вина падает всею тяжестью на тех, кои имеют силы и способы узнать истину и не узнают, т.е. преимущественно на класс образованный.

Продолжение на последней странице